

И лишь о Родине молиться...

О книге Анатолия Аврутина «Просветление»

Никогда не была согласна с теми, кто говорит о закате русской традиционной поэзии. В любой момент просто навскидку я могла бы назвать не один десяток имён прекрасных современных поэтов из самых разных мест — просто информированность читателя о них (а зачастую и самих пишущих друг о друге) но возможность для этого практически нулевая

И вот это, действительно, горькая примета нашего времени. Но я сейчас совсем о другом. Да, сегодня, действительно, очень много сильных авторов и прекрасных стихов. И даже на таком фоне Анатолий Аврутин, на мой взгляд — ярчайшее и крупнейшее явление, именно — явление в современной поэзии и литературе вообще. И его новая книга избранных стихов «Просветление» — очередное блестящее тому подтверждение.

Анатолий Аврутин — поэт именно традиционный в самом высоком смысле этого слова. Ведь настоящая традиционная литература — это не только и не столько самовыражение, а также вовсе не самолюбивое выворачивание себя наизнанку перед публикой (дескать, смотрите, я такой же гадкий, как вы все, только вот ещё и эдак умею, ну и что?), но, в первую очередь, — всегда стремление к бесконечному совершенству, всегда движение в сторону вечности и беззаветное служение ей. Как недавно написала замечательная поэтесса Нина Ягодинцева: «Настоящая литература — всегда отречение от собственного эгоистического "я" в надежде постижения более высокого совершенства... Традиция стремится вывести личность за тесные границы её собственного несовершенства, дать максимально высокие внешние ориентиры для выстраивания внутреннего мира». Да, традиционная поэзия — это именно самоотречение и стремление поэта выстроить свой (а, стало быть, и читателя) внутренний мир по высочайшим, порою просто недостижимым ориентирам. И пусть они практически недостижимы в обыденной жизни, но без этого стремления автора нет и не может быть поэзии как таковой.

И всё творчество Анатолия Аврутина являет собой великолепный пример именно такой настоящей традиционной литературы:

И не понять, зачем душе любезно
Напрасное гудение в крови,
В котором опрокинутая бездна
И трепет, что попробуй, улови.

Но мало кто задумывается, какой высочайший уровень таланта и мастерства и какое мужество требуется от поэта сейчас, чтобы писать о вещах самых простых и сложных одновременно, о понятиях, которые были, есть и будут самыми главными для каждого человека: о любви, о ненависти, о жизни, о смерти, о детстве, о родине. Особенно — о любви в её всеобъемлющем значении: к женщине, к своему дому, к своей земле — о любви как главной человеческой ценности. Анатолий Аврутин обладает этим талантом и мужеством в высочайшей степени. Он умеет написать о самом сокровенном от вполне житейского:

Кого я в юности любил —
тех и доныне вспоминаю.

До высочайшего:

...И лишь о матери рыдать,
И лишь о Родине молиться.

Написать так, чтобы читатель был буквально пронзён этой сокровенной и высокой любовью, ощутив не только боль понимания краткости человеческой жизни и одиночества перед лицом вечности, но и удивительную радость присутствия этой вечности в себе, в своей душе, отозвавшейся высокой поэзией:

Я настолько горбат!...
Даже страшно, насколько горбат...
.....
А ты живи — не нужен и не признан,
А, впрочем, можешь даже и не жить.

Но:

...И светает в груди... И душа по-над
бренным вздохом,
И парит над тобой то ли Родина, то ли
печаль.

Да, поэзии Анатолия Аврутина присуще трагическое мироощущение. Но это — высокая и именно «оптимистическая» трагедия жизни, в которой:

Только грохни ведром —
отзовется тоска мировая...

И даже ужас у него — не разрушающий личность ужас смертной твари, но «ужас — Отечеству равновеликий...».

По большому счёту это и есть божественный, созидательный ужас творчества. И в каждом, даже очень небольшом по объёму стихотворении, разворачивается, живёт и дышит своя удивительная, вполне законченная история — многоуровневая и многогранная, с зачастую неожиданным житейским и глубоким философским смыслами.

Именно поэтому стихи Аврутина — такие живые и настоящие; заставляя читателя думать и сопереживать, они помогают ему со спокойным мужеством принять временность и печаль своего земного бытия, слабость и уязвимость плоти и силу духа, огромность и трагическую неразделённость любви к Родине, помогают жить и оставаться человеком в этом сложном, жестоком и прекрасном мире. Ведь в стихах этих всегда присутствует внутренний свет и жар любви, в них есть выход в бесконечность — к свету вечному и жизни всеобъемлющей:

Есть два понятия — Родина и смерть,
Которые почти неразделимы...

Или:

Когда Отчизне смертников не хватит,
Тогда Отчизна хватится тебя...

И вдруг:

Но какой горизонт! Но какой горизонт
просветлённый!

.....
На большую печаль
мне Отчизна ответит печалью,
На рыданье ответит стократным рыда-
нием она...

Отдельная тема — отношения поэта и времени. Здесь много о чём можно задумываться и рассуждать, но в рамках краткого своего эссе я скажу только, что Анатолий Аврутин в нескольких поразительно точных штрихах умеет дать портрет целой эпохи:

И дружно глазами тоскуя,
Глядели сквозь влажную даль
На ту, что рубаху мужскую
В тугую крутилу спираль...
.....
Какая мостовая — а по ней
Какой же чудо-обруч гонит Юрка!

И всего-то лишь несколько строчек, но в них — всё, добавить просто нечего, картина создана: зримая, выпуклая, дышащая. словно бы открыто окно в давно ушедшее время с его воздухом, светом, звуком, с его человеческим горем и радостью.

Время у поэта может измеряться в чём угодно, например, в поездах («два поезда тому назад»). Оно может сужаться «до распахнутой дверцы, до — острой, с зазубриной — края». Оно может, качаться, истончаться, через него могут лететь стрелы («...а во след ей вторая — сквозь время! — стрела полетит»), но оно всегда перетекает в вечность, даже если это —

«целая вечность утрат», потому что настоящий поэт — действительно, «вечности заложник у времени в плену».

Конечно, поэзия неуловима, а укрощение мощной, но весьма опасной энергии слова мастерством, способность направить её в русло гармонии и преобразовать таким образом, чтобы нечто, звучащее в пишущем, зазвучало и в читающем, — великая притягательная тайна.

Она, эта тайна поэзии, бесконечно больше и древнее нас, поэтому вряд ли существует её исчерпывающее определение. У каждого оно своё. Но если я хотя бы отчасти права, и поэзия — это, всё-таки, энергия рвущейся в бесконечность боли бессмертной человеческой души, запертой в смертной и конечном теле, но энергия, преображённая гармонией, тогда это и есть волшебство, превращающее обычные человеческие слова и строки в нечто неизмеримо большее. Только в его незримом, неосознаваемом присутствии всё звучащее в пишущем вдруг начинает звучать и в читающем. Только когда оно, это волшебство, есть, человеку становится печально чужой печалью, светло — чужим светом, но сердце его болит при этом от своей любви, от своей памяти.

И вот именно это волшебство в полной мере присуще стихам Анатолия Аврутина, поэзию которого я бы определила для себя как удивительный сплав страстей высочайшего накала и мудрости человека, много повидавшего и испытавшего на своём веку, гражданского мужества и тонкого лиризма. Я определила бы её как пульсацию под безупречной с точки зрения формы оболочкой стиха до предела сжатой энергии боли, причиняемой миром, и в то же время сочувствия этому беспощадному и одновременно хрупкому миру, энергия великой любви — горькой, безнадежной и бесстрашной.